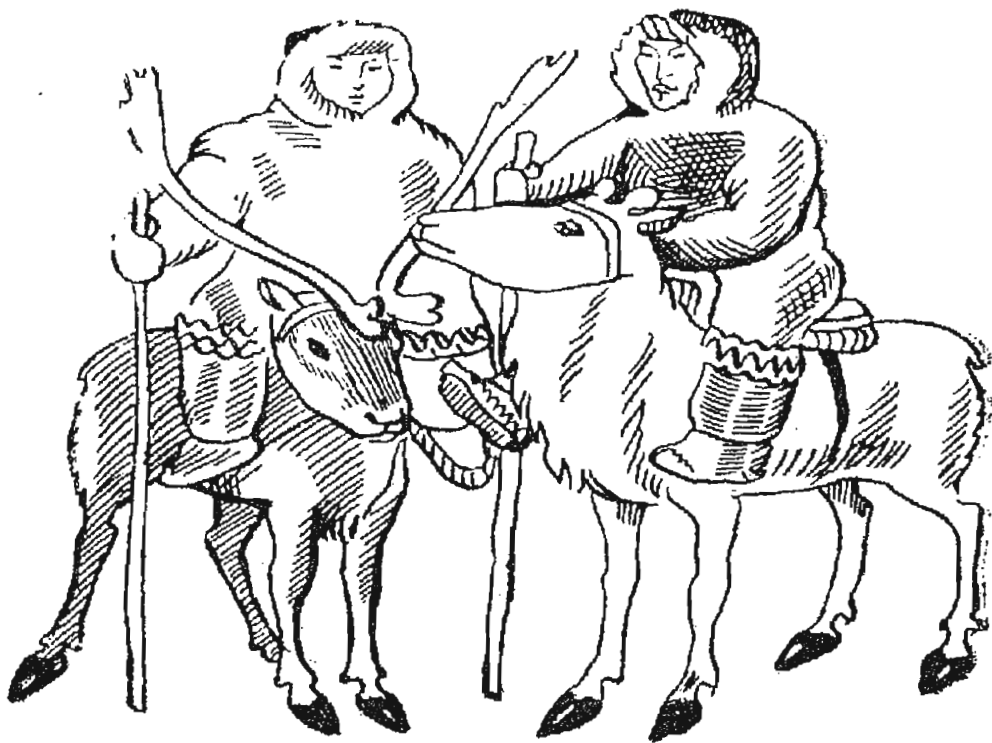

Улуоро АДО

Милая ЛАБУНМЭДЭНУ

Якутское книжное издательство
1992

У 47

Улуру Адо.

Милая Лабунмэдэну: Стихотворения и поэмы / Пер. с юкагирского. Художник Соргоев Я. И.— Якутск: Кн. изд-во, 1992.—64 с.

В новую книгу юкагирского поэта Улуру Адо вошли лучшие переводные стихотворения и поэмы последних лет. Через все произведения красной нитью проходит мысль о неистребимом желании малочисленного северного народа во что бы ни стало выжить, сохранить себя как самостоятельный этнос со своей самобытной духовной культурой. Сыновняя любовь к родной тундре, к родному народу, восхищение красотой и мудростью его души, вера в благоприятное будущее — вот главные темы произведений данной книги.

У 4702780200 — 50
М 137 — 92 034 — 92

84Ю

ISBN 5-7696-0396-8

Литературно-художественное издание

Улуру Адо (Курилов Гаврил Николаевич)

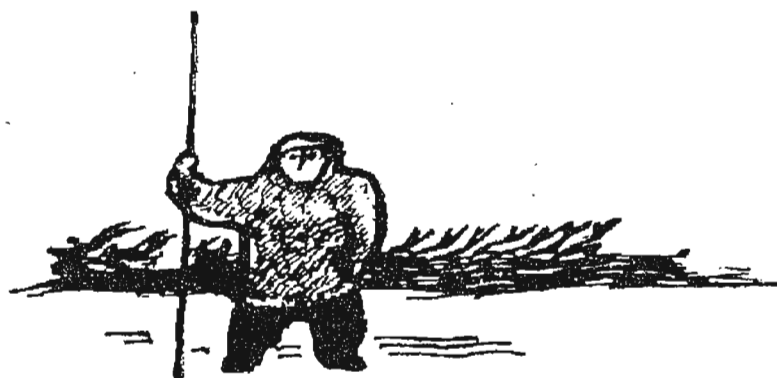
МИЛАЯ ЛАБУНМЭДЭНУ

Редактор Е. Е. Федотов
Художественный редактор М. Г. Старостин
Технический редактор М. Т. Егорова
Корректор Я. Д. Никитина
ИБ № 2762

Сдано в набор 13.05.92. Подписано в печать 16.06.92. Формат 84x90^{1/32}. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 2,8. Усл. кр-отт. 2,97. Усл изд. л. 3,13. Тираж 3000 экз. Заказ № 44.

Якутское книжное издательство
677892, г. Якутск, ул. Орджоникидзе, 31
Государственное издательско-полиграфическое
предприятие «Якутполиграфиздат»
677007, г. Якутск, ул. Кирова, 9

© Курилов Гаврил Николаевич, 1992

МИЛАЯ ЛАБУНМЭДЭНУ

Милая Лабунмэдэну,*
Без тебя для юкагира
Нет как нет земли и неба,
Нет всего большого мира!

Только вдруг — с чего, не знаю —
Постарела ты, родная...

Милая Лабунмэдэну,
Без тебя у юкагира
Песня плавная не льется,
В сердце холодно и сиро.

Только вдруг — с чего, не знаю —
Обмелела ты, родная...

Милая Лабунмэдэну,
Без тебя у юкагира
Нет надежд, мечты бескрылы,
И моя немеет лира.

Только вдруг — с чего, не знаю —
Ослабела ты, родная...

Милая Лабунмэдэну,
Счастья нашего гнездовье!
Уберечь тебя хочу я,
Охранить своей любовью.

Как помочь тебе — не знаю,
Лишь молю: «Живи, родная...»

* Лабунмэдэну — юкагирское название реки Большая Чукочьа.

Вы знаете тот край,
где серебром течет
ночное небо, прячась в облака,
где заблудилась где-то среди звезд
старинной песни нежная строка.

Там пастуху,
что слушает мечты,
храня покой ушедших в сон оленей,
та песня вдруг, сорвавшись с высоты,
ложится прямо на колени.

Там ветры
замолкают на ходу,
когда кричит дрожащий олененок:
— Ой, не дрожи, Земля. А то я упаду
на твердый снег, морозом опаленный!..

Я там увидел
первый добрый знак:
в моих глазах, как в озере родном,
купался взглядом друг мой и земляк,
что за добро привык платить добром.

Вы знаете,
там в край родной влюблен
красавец тундры — северный олень, —
и в светлый праздник, и в ненастный день
целует тундру —
так влюблен в нее!

ЮКОЛЭЛ УЛУРО

Юколэл Улуро * —
грива пенная!
Ты, как вечность, старо,
как Вселенная.
И за что это ты,
мое озеро,

* Юколэл Улуро — название одного из священных озер нижнеколымских юкагиров.

мне к ногам,
как цветы,
пену бросило?
Для чего своего
внука так уважило?
Я не сделал ничего
для народа нашего...
Юколэл Улуро —
юная красавица!
Улыбаешься хитро,
пеною бросаешься.
Набегаешь на плес,
гладишь камень.
Словно ты не из слез,
скопленных веками.
Словно это не ты
хоронило
вековые мечты
юкагира.
Хоронило огни
в очагах погасших.

А теперь хорони
горе наше.
Чтобы лайки
в ночах
не выли.
Чтобы чайки
в сетях
гнезд не вили.
Чтоб очаг наш
травой
не зарос
высокой!
Смейся, озеро,
пой,
шелести осокой!
Ты волною вскипай
озорною.
Мой народ воспевай
звонкою волною!

* * *

Видишь:

 мертвые остовы,
 белые жерди —
на холме,
 как на острове
 смерти,
на стоянках,
 покинутых юкагирами,
как останки,
 торчащие над могилами,
как к чертям на рога,
залетевшие стрелы,
как олени рога,
эти призраки белы,
как... Но хватит сравнений!
Стенания эти
не вернут поколений,
уснувших навеки.
Да и солнце такое,
такая погода,
что о вечном покое
размышлять неохота.
Разве можно, душа,
предаваться печали,
полной грудью дыша
золотыми лучами?
Посмотри-ка в зенит!
И в груди твоей разве
не поет, не звенит
нескончаемый праздник?
Это солнце в крови
жизнерадостно бродит,
песню чистой любви,
песню счастья заводит.
И велит, чтобы ты
жизнью шел, словно лугом,
и слова, как цветы,
всем раздаривал людям!

Видишь:

остов ствола,
 хворостин силуэты!

Это склады тепла.

Это памятник лету.

В потаенный состав

этих палок печальных

входят запахи трав

и багульник, и тальник.

Это — сгустки лучей!

Ждут руки человеческой.

Ждут горячих печей,

сами просятся в печи!

Терпеливые, ждут,

как влюбленный свиданья,

ждут, когда их сожгут,

вся их жизнь — ожиданье...

В колыбели огня,

в очаге юкагира

запылает, звеня,

солнце летнего мира!

Поглядит человек

в пламень, вьющийся зыбко,—

из-под каменных век

засверкает улыбка...

Посредине зимы

зажигать в нас волнение,

будоражить умы

будут эти поленья.

Для больших наших дел,

для открытий прекрасных

надо, чтобы горел

наш очаг и не гаснул!

* * *

Где музыка

летних тропинок моих?!

Их все замели, завалили снега.

И слабое солнце

не вызволит их

И будет зима бесконечно долга.

Но вьюгам

и стужам свирепым назло

На солище

с надеждой гляжу все равно —

И помню тепло я,
и верю в тепло!
О, бледное Солнце!
Когда б не оно
Я стал бы таким,
как эти холодные дни,
Рожденные временем снега
и льда —
Я верил бы ныне,
как верят они:
Что так было всегда,
и так будет всегда.
Я верил бы —
тундра от века бела,
Она никогда не бывала иной.
И ветка-талинка,
от века бела
Торчит
над безмолвной ее целиной.
Не знал бы тебя,
о, танцующий стержень?
Не знал бы сверканья весенних озер,
Орлов,
окрыленно взывающих вверх:
И плавным полетом
плениющих взор...
Но я не беспомыслен!
Сердцем смотрю —
И вижу я то,
что не видно глазам!
Над летними
зимние тропы торю
И чувствую,
радуясь этому сам:
Не точно,
вслепую, наощупь ложась
На белую простыню
равнин снеговых:
Они повторяют
узорную вязь,
И музыку
летних тропинок моих!
Чем больше брожу,
тем рисунок верней..

Ты чист, как речь ребенка,
ты не лжив,
Светла твоя глубинная основа.
Пусть, может быть,
не очень и велик
Запасник твой,
твой арсенал словесный —
Ты мне мил,
уадульский * наш язык,
Отцовский,
материнский,
добрый,
честный!..
Ты для меня —
как птичка-амулет,
Что вешают у нас над колыбелью.
Лети,
неси потомкам наш привет,
Дари сердцам им
радость и веселье!

У ОЗЕРА АДИПЭН МУОХА

Блещет озеро,
легкие волны качая...
Тут рыбачил с отцом я
в былые года,
Все как прежде —
И стайка упитанных чаек
Дремлет в устье речушки
совсем как тогда.
Так же ветер
пугливые листья-ладошки
Набегая щекочет в густых тальниках.
Так же красные ягоды
спелой морошки
Здесь и там пламенеют
в желтеющих мхах.
Не вчера ли
в прозрачные здешние воды
Я гляделся мальчишкой?
Но нет — не вчера.

* уадул — самоназвание юкагиров.

ОЗЕРО

Озеро не пело,
не кричало —
камыши прибрежные качало.
Камышам прибрежным и осоке
озеро чуть слышно говорило:
«Я умру — а вы еще постоите
в карауле у моей могилы...»
Так шептало
озеро пустое
камышам и травам, спящим стоя.
И смотрело, грустное,
на зиму,
что спускалась медленно в низину
и шагами принималась мерить
опустевший, онемевший берег.
Солнце неуклюжею улиткой
еле выползло
на дальний гребень,
задержалось ненадолго в небе,
улыбаясь грустной улыбкой.
Засияла в озере
водица...
чтобы вскоре
до весны забыться.

* * *

Прощайтесь с тундрой, лебеди. Пора!
В полет вы отправляетесь с утра,
не всю любовь ей высказать успев,
не все ей песни ласковые спев.
Прощайтесь, с тундрой, лебеди. Пока!
Машу. А в сердце — холод и тоска.
Оно скорбит, попавшее в беду,
подобно опустевшему гнезду...

Ах мне бы с вами что-ли улететь!
Не знать, не слышать
как пойдет свистеть
по тундре разъяренная пурга,
с озерами равняя берега.

Но как покину тундру, край родной?
Как знать, что станет с ней, совсем одной?
А вдруг заледенеет на века
как снежный пик, ушедший в облака!

...Умчались птицы в теплые края.
И вот навстречу ветру только я
Иду, по насту гладкому скользя —
ведь кто-то должен...

Иначе — нельзя.

* * *

Не думай, что срывает листья осень
Лишь для того, чтобы напомнить вновь:
— Жизнь коротка! Ее мы б не упросим
Повременить. Смирись, не прекословь...

Стремительный полет

листвы осенней

И о другом твердит душе твоей:
— Отживших мыслей, косных представлений
Доспехи сбросить вовремя сумеи!

Так нужно, брат,

чтобы в прозрачной рани

Очистился и просветлился взгляд —
И новые тебе открылись грани
В явленьях мира, виденных стократ...

* * *

Сопка спит, под снегом дышит,
как медведь в берлоге спит.
И, наверное, не слышит,
как пурга скулит.

Или, может, сон ей снится:
лето у реки,
и над нею — пенье птицы,
а не вой пурги?

Или под навалом снега
просто ждет, когда сама

от себя устанет эта
бесконечная зима?

Спи, гора, и не печалься,
В солнце верь во мгле ночей.
Верь: еще оттают пальцы
обмороженных лучей.

Жди, пока земля проснется,
зиму проклинай, гора...
Ну, а я навстречу солнцу
собираюсь. Мне пора.

* * *

Издаലെка мне сопка показала
старухою у жизни на краю.
Вся черная, забыв она усталость,
оплакивала молодость свою.

И только ближе подойдя, заметил
ее еще не старое лицо —
приветлив облик был ее и светел:
улыбкою сверкало озерцо.

Вот так же мы, не подходя к подножьям,
рассматривая жизнь издаലെка:
Где черное, где белое не можем
определить порой наверняка...

* * *

Среди извечных сопок и холмов
Воинственное племя прежде жило.
И здесь его воинственных врагов
Немало в битвах головы сложило.
Какая тишина сегодня тут!
Исчезнувших племен

слепые тропы

Ища хозяев,

по земле ползут,

Встречая вместо очагов —

сугробы...

Тропинки

 через малые года
Исчезнут, как и те,
 что их торили,
Следы былых кочевий без следа
В земле истают —
 не поймешь, что были.
О, Человек!

 С природою борясь
И удивляя мир своей борьбою,
Не преврати его
 в немую грязь,
Где лишь слепые тропы —
 за тобою!

ПАМЯТЬ

Я боюсь этих стойбищ немых,
где ни знака, ни слова, ни гула,
где последняя песня уснула
под золою далекой зимы.

Были те, говорят, времена,
когда крылья прогнившие ветер
по ущельям взвивал, точно плети,
и от боли стонала луна.

Стаял призрак печальных тех лет,
но в полях я все слышу рыданья,
и опять оживает преданье,
и мертвеет луны бледный свет.

И я вижу, как древний старик
мне навстречу идет от стоянки
и, в лицо мне уставясь, смеётся
странным смехом, похожим на крик.

Вот, вина меня в вечной вине,
из лохмотьев достанет он гордо
ту убитую песню народа
и швырнет ее под ноги мне!

Я тех стойбищ боюсь, но молчу.
И зачем говорить вам о страхе?
Просто листья — осенние птицы
вздули память мою, как свечу.

НЕЛЕМНОЕ

Нелемное...

Застенчиво,

тихо,

светло

Ты глядишь в наступающий день.

Ты о чем размышляешь,

склоняя чело,

Над бегущей рекой Нунгэдэн? *

Не о тех ли, кто спит

на холме за рекой —

Их когда-то скрутила

жестокой рукой

Хворь,

гулявшая в здешних краях...

Как сейчас бы тебе

пригодились они:

Много стало и дел, и забот!

Но зато и друзей — позови, помани —

Сколько смелых на помощь придет!

Там, глядишь,

подрастет и своя детвора,

Каждый —

с маленьким солнцем в груди.

Всем достанет работы — такая пора.

И не то еще ждет впереди!

Верь отважным и юным,

равняйся на них

В небывалой и новой судьбе.

Ну, а я попрошу

добрых духов земных

Позаботиться о тебе.

Попрошу от несчастья

этот мир уберечь —

Чтобы силы беды не смогли,

Не посмели однажды

над нами зажечь

Страшным пламенем Небо Земли.

Но не будь ты

и перед минувшим в долгу:

К нашим предкам,

которые спят,

* Нунгэдэн — юкагирское название реки Нелемное.

На холме за рекой,
на другом берегу,
Приведи современных ребят.
Пусть прошепчут
на древнем они языке,
К безымянным могилам склонясь:
«Юкагиров тропа не пропала в песке.
На обрыве — не оборвалась...»
Пусть сияет всегда
над тобой, надо мной
Ильича путевая звезда!
И печали тебя
на дороге земной
Не догонят пускай
ни-ког-да!..

ЛИЦО МАТЕРИ

«У тебя фотографии маминой нет,» —
так сказал мне однажды друг.
Ну, а я усмехнулся ему в ответ
и сказал: — Посмотри вокруг!
Вот равнины морщинистые мои —
это щеки мамы моей!
По холмам, словно жилки, бегут ручьи —
это руки мамы моей!
Травяные ресницы тихих озер —
это мамин ласковый взор!
Тальников белеющая стена —
это мамина седина!
— Ошибаешься, друг! — я сказал в ответ, —
Вот он, мамы моей портрет!
Поглядите, взгляните, мои друзья,
как прекрасна мама моя!

ТИЭКИ ОДУЛОКУ

Очень мало ты жил, Одулок...
Лишь тридцать зим и одна
Смиряли снега у твоих ног.
И грелась теплом задушевных строк
Лишь тридцать и одна весна...
И все же, ты успел на Земле совершить

Такое, чего не смог
И тот, кому было отпущено жить
Более долгий срок!
Идя целиной созидательных дней,
Высокому ритму работы рад,
Сородич твой нынче идет быстрее,
Чтоб в жизни успеть совершить своей
Больше, чем ты — его старший брат.
Очень мало ты жил, Одулок...
Но и за тридцать с немногим лет,
Пламенем вдохновенных строк
Ты род юкагиров прославить мог.
Я славой этой — согрет...
Как старший охотник, ты — впереди.
Я слышу лыж твоих легкий шарк.
Веди нас, опытный брат, веди:
Пусть слов твоих эхо стучит в груди:
«Шире держите шаг...»

ПУСТЬ БУДЕТ ТАК

Пусть в мире остается все, как есть,
В тот час, когда мы этот мир покинем,—
Пусть будут птицы петь и травы — цвести,
Пусть ясно светит солнце в небе синем,
Солнце, похожее на материнский лик,
Склонившийся с любовью над ребенком...
Пусть на ветру колышется тальник
И славит жизнь в своем напеве тонком.
Пусть будет так, когда уйдем мы прочь
От наших рек, долин, родных селений,—
Как от костра мы уходили в ночь
От волчьей стаи защитить оленей...
Но в этот раз, свершив свои дела,
Мы навсегда во мрак шагнем с порога,
Вернем Земле, как долг, свои тела
И, может, укрепим ее немного.
И пусть пребудет в мире, как есть —
И пенье птиц, и вешних зорь пыланье...
А людям всем, что остаются здесь,
Мы добрые оставим пожеланья!

СНЕГА МИЛОЕ СКРИПЕНЬЕ

Ночь. Мороз. Дохнешь — и слышен шорох.
Неуютна зимняя пора.
Все живое — в логовищах, в норах
Прячется до самого утра.
Лишь оленям некуда укрыться
От порывов ветра ледяных.
Может быть, свернуться, в снег зарыться.
Нет, такая доля — не для них.
Им своими сильными рогами
Небо, подпирая поддевать.
Им, своими теплыми боками
Тундру, сколько можно, согревать...
И олени бродят в мире сонном,
В полудреме ночи напролет,
Слыша, как в озерах с громким стоном
От мороза трескается лед.
И порой покажется оленю,
Что не встанет солнце никогда,
Что вот-вот подломятся колени,
Сердце превратится в глыбу льда...
Может, не хватило бы терпенья —
Так жесток мороз, так ночь глуха, —
Если б не ритмичное скрипенье
Снега под ногами пастуха!..

* * *

И опять
я бегу по равнине
за тобой, быстроногий олень!
Но опять
в бесконечности синей
исчезаешь,
как дивная тень.
И остались
лишь звонкие дали!
Ты ушел, подарив и отняв
близкий миг торжества и печали,
но, гордец быстроногий,
ты неправ!
Я тебя догоню, одолею,
где-то там, среди светлых полян

Он оле́ем израненным падал на белый
наст —
и на ноги снова вставал.
И опять кочевал
среди старых и новых
ослепительных всхолмий
в дыханье беды.
Оставались следы от его остановок
островками памяти —
седые следы...
Отчий дом —
мой тордох деревянноногий —
слава богу, и ныне еще на ногах!
Ходит словно мудрец по холмам без дороги —
ищет истину,
прячущуюся впотьмах.

НЯВАЙНАДАНУ *

О, река с таинственным именем —
Волка Белого река!
Отчего тебя, неясно ныне,
в стародавние века
 предки мои нарекли краснó,
 телом тундры ставшие давно.
О, река с таинственным именем —
Волка Белого река!
Белым стерхом к Ледовитой стыни
ты летишь с материка!
 Жаль, не подхвачу твоей струи —
 песни многозвучные твои!
О, река с таинственным именем —
Волка Белого река!
Я, твоей изведав благостыни,
помудрел, поверь, слегка.
 Оказалось, честно говоря,
 что родился в тундре я не зря!
О, река с таинственным именем —
Волка Белого река!
«Духом укрепись в небесной сини,
воспари под облака!...» —

* Нявайнадану — река Белого Волка.

тихо ты шепнула мне на ухо
и подарила крылья духа.
Осияй родную сторону
белым духом, Нявайнадану!

ГАГАРЫ КРИЧАТ

В криках протяжных гагар белозобых
слышу я предков несчастных рыданье, —
рано ушедших, не вынесших злобы,
мне завещавших земное страданье.

Видно, в осенние сумерки тени
предков моих выползают в ознобе —
сыпать свои непропетые пени^{*}
в темные горла гагар белозобых.

Вот почему, приподняв свои клювы,
чтобы не выронить жалобной боли,
криком кричат, безутешны гагары,
даже о страхе на миг позабыв.

Люди, прошу,
при стенаньях этих и зовах
не перебейте несчастных
гагар белозобых!

Пусть же выплескивая в мирозданье
древние боли, проплачут гагары.
Может, от этого вопля-рыданья
кто-то прозреет
душою бездарный!

* * *

Эх вы, чайки, колымские чайки!
Обленились ужасно вы, чайки,
разучились рыбачить вы, чайки,
и на крышах домов расселись —
за помойками жадно следите.
Эх вы, чайки, беспечные чайки!

* Пени — жалоба.

Где же гордость полярная ваша?
Или бабушка тундра сегодня
птиц не кормит — совсем обеднела?
Или, чайки, небесные птицы,
вы забыли небесные тропы,
где до этого вольно летали?
Эх вы, чайки, чего ж не жилось вам
в рыбной тундре — на кормных озерах?
Но, быть может, вы вовсе и не чайки,
если нынче, как будто вороны,
городские помойки обсели?
До чего же занячила тундру
волевая рука человека!
О, как много людей мне встречалось
в городах и в полярных селеньях,
что живут как колымские чайки...
Только к ним обратиться не смею
с горьким словом,
ведь люди — не птицы.

* * *

Сам, выходит, не знал я,
Как был я богат!
Сколько было друзей —
Сильных, славных ребят!
К благородным вершинам
Добра, красоты
Уводила нас
Длинная нитка мечты.
Сдвинем, чарки, ребята —
Дорога зовет!
И, казалось, мы цели
Достигнем вот-вот...

Почему же,
Доживший до первых седин,
Я сегодня, как перст,
Оказался один?
Как ребенок обманутый,
Плача, стою,
Вспоминая недавнюю
Юность мою.

Оказалось, что зелья
Невинный глоток
Людям жизнь урезает
На целый годок.
Мы воюем сегодня
С угаром хмельным —
Может, жизнь человека
И впрямь удлиним?

Но былие, увы,
Не вернуть мне года.
И ушедших друзей
Не вернуть никогда.
Живы нынче они
Только в сердце моем.
«Поспеси, — говорят, —
Путь ведет на подъем!»
«Счастлив будь, — говорят, —
За себя и за нас!»

И, стирая слезу
С растревоженных глаз,
Я иду,
А шагать мне трудней и трудней...
Коль вершины не взять —
Хоть бы приблизиться к ней!

* * *

Трескается кожа тальника...
О, тоска, период ледниковый
возвращается издалека
к сердцевине ветки тальниковой.
Но не сгинут в стуже ледяной
соки — нити тоненькие эти —
чтоб опять грядущею весной
песню спеть свою о звонком лете.
И застынут в долгой немоте
только те, что к листьям приносили,
как олени отощавшие вконец,
чувств и мыслей жалкое бессилье —
чтобы ты, задумавшись опять,
слушал говор соков ручейковый,
чтобы смог печально увидеть
звезд паденье
с ветки тальниковой...

но взглянув в темноту,
поленился, раздумал писать.

А сегодня
проснулся в тревоге чуть свет,
звал: «Вернись же, прости!»
Исходил все пути
своих мыслей, а песенки — нет!
Этой ночью
она ускользнула в окно,
загрустивши до слез,
и ее злой мороз
подстрелил, пока было темно.

И повисла,
бледнея, сосулькой она —
вот висит у застывшего за ночь окна...
Ты прости меня, песня,
что был я жесток...
И... спасибо тебе —
за хороший урок.

* * *

Самое главное, чем дорожу —
Мать моя милая! Это она
Землю и воздух, которым дышу,
Мне подарила на все времена.
Самое главное, чем дорожу —
Это жена моя! Счастлив я с ней.
Нашего сына у сердца держу,—
В нем — продолжение жизни моей.
Самое главное, чем дорожу,—
Это олень мой! Из темных времен
Мощным хребтом, на котором сижу,
К звездному веку донес меня он.

МАМЕ

Один человек только есть на свете,
который пожертвует всем, что имеет,
когда заблужусь я, усталый,
во мгле,
и сердце на черном ветру занемет.
Один человек, это — мама моя!..

Прости меня, мама, что родину предков
Оставил для шумного города я.
Прости, что к тебе выбираюсь я редко.
Позвать бы тебя: «Приезжай, поскорей!
Квартира просторная, — места в ней хватит...»
Но знаю: без наших родных матерей
И бабушка-тундра дыханье утратит..
Но мысленно я — каждодневно с тобой!
«За все тебе, мама, — шепчу я, — спасибо!
Над кровом твоим небосвод голубой
Пусть светится, как покрывало аниба *...»
Под тем покрывалом когда-то я рос,
Родительской речи азы постигая..
Ты вспомни меня, моя мама, без слез —
И знай, моя мама, пойми, дорогая:
Я в городе бьюсь не за жирный кусок,
Ищу не дешевого сладкого меда, —
Я верю, что избранный путь мой высок,
Что труд мой — во славу родного народа.

* * *

Как в собственную душу
в просеке лесной,
гляжусь в большую лужу,
забытую грозой.
Неспешно вечереет,
вода уже чернеет.
Вот пара звездных глаз
на дне ее зажглась.
Лицо твое родное
в дрожащей глубине,
слезами залитое,
обращено ко мне:
«Зачем, зачем так часто
нам нужно разлучаться?
Куда тебе спешить?
Давай, как люди, жить...»
Безвыходно горюя,
стою на берегу.
И тихо говорю я:
— Иначе не могу...

* аниба — крытая нарта для перевозки детей во время кочевки.

* * *

Твои руки, подобно,
золотистым лучам,
утром светлым и добрым
прикоснутся к очам.

Сновиденья ночи
сдуют вмиг с моих век
и вольтуют в мои очи
радость утра и смех.

О, свети, мое Солнце!
В этот радостный день
пусть тебя не коснется
слова лживого тень!

ПРИЧИТАНИЯ ЮКАГИРКИ

С той поры,
как ты расстался с нами,
тундра наша словно опустела:
небо занавесилось
дождями,
небо от ненастья
онемело...
Ты учись получше,
хоть и трудно.
Возвращайся, мы устали ждать.
Много слов
хранит и копит тундра,
чтоб тебе при встрече передать.
Поскорей бы
прошли дни учебы,
чтобы тундра вновь заговорила,
встретив сына дорогого,
чтобы вновь сияло небо, солнце пело.

ЧИВ-ВИ

Спавший под полозом долгими днями
Снег пробудился — ого!
Солнце опять золотыми ремнями
Хлещет легонько его.

Чив-ви, чив-ви — перезвон родников
Слушают уши сырых тальников.

Стерхи танцуют в глазах твоих славных
Утренний танец любви,
Как длинношеи-лебеди, плавно
Выгнулись губы твои.

Чив-ви, чив-ви — оглянешься назад,
Это в Олере озера звенят.

«Буду шаманить, как солнце счастливый:
Радуй весну, человек!» —
Думаю я у речного обрыва,
Глядя на тающий снег.

Чив-ви, чив-ви — на прилет журавля
Сердцем откликнулась тундра моя.

Сердце качнулось и кровь закипела
Жарче, быстрее, смелей.
Может быть, ты это лебедем белым
Ждешь на тропинке моей.

Чив-ви, чив-ви — расступись тишина,
В сердце такая шальная весна!

* * *

Когда рассвета белые орлы
меня освободят от сновидений,
которые когтисто тяжелы, —
струится свет твоих прикосновений.
И черных сновидений воронье
враз исчезает, сердце отпуская,
и нежное присутствие твоё —
как над весенней тундрой птичья стая.
Я смело поднимаюсь в полный рост
и словно увеличиваюсь в росте,
и этот мир, который столь непрост,
на миг лишится зависти и злости.
О, мой светоносный Человек!
Давно бы исчез я, в земле лежа,
когда бы не была себе верна
твоя звезда, с рассветным солнцем схожа.
Не утай, скажи-ка мне,
а был ли я в поденной суетне
таким, какого видеть ты хотела?

МЕЧТА

Как хорошо, что над землей осенней,
как бы звеня, летать светило стало

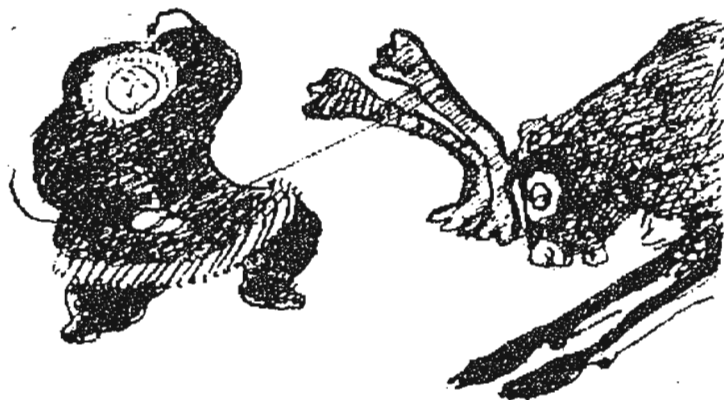
по синему и молодому небу,
исполненному нежных поздних песен.

Как хорошо, что вверх душа стремится,
что сердце внемлет поднебесным звукам,
что мысль моя за сердцем и душою
летит — достичь неведомого хочет.

Как хорошо, что под таким вот небом
и на такой земле мне жить досталось.
И хочется пропеть такую песню,
чтоб родичи мои заулыбались.

Но где слова найти? Каким распевом
снабдить? — никто о том сказать не может.
И лишь мечта меня к ним приближает,
и песню отыскать мне помогает.

НУННИ

(п о э м а)

1

Ни крика чаек,
ни гомона птах,
ни славящих свет
журавлиных труб.
Как шаманы безумные,
с пеной у рта
волны неистовствуют
на ветру.
Даже мышь,
подбородок вшивый скребя,
не пискнет на солнце...
Небо — во мгле.
Над темной равниной
кто-то скорбя
стонет.
И стон ползет по земле.
Он заглушает
шелесты трав,
нежные
больно сечет цветы,
вкладывает
вековечный страх
двухдневным птенцам
в раскрытые рты.
Потомки

солнечных стройных лучей —
тальники
бьются о землю головой
и листья, как дети, ревут:
ничем
не прекратишь
их тоненький вой...
Страх все шире,
гнетет, томит.
Где-нибудь в дальнем чуме
навек
с жизнью прощается
в этот миг,
закрывает глаза
Человек.

2

Губы умирающего —
словно лодки тонущей борта.
Смерть накатывает волны,
оставляя пену возле рта.
Лодочка — вот-вот она исчезнет,
под водою скроется навек...
Каждый человек —
как слово в песне:
трудно умирает Человек!
Что же ты, о Небо, так сурово
к сыну своему?
Дай произнести еще хоть слово,
подари хоть вздох один ему!
Что же ты, о Солнце?
Неужели
стало лень высвечивать во мгле
этих рук искусные движенья,
на ноже блеснуть и на игле?
Что же, о Земля, так торопливо
ты назад его зовешь?
Хоть на миг бы
жизнь ему продлила,—
ведь сама миллионы лет живешь!
Почему —
живем-живем на свете —
и должны покинуть этот свет?!

Возле умирающего — дети,
все молчат,
но примиренья нет.
Лишь новорожденный плачет тонко
за стеной...
Заливает утлую лодчонку,
топит смертною волной.
Смертный ветер губы студит,
Медленно шевелятся они:
— Я вернусь... не плачьте... с вами будет
на Земле
мое нунни...

3

Нунни...
Поверье есть в народе,
оно живет из века в век:
не насовсем от нас уходит
любимый нами Человек.
Его могила ждет сырая...
стенанья ветра,
плач родни...
Но Человек — не умирает:
он превращается в нунни,
он воплощается в младенца,
он возвращается на свет.
Вся сказка, если приглядеться,
но разве в сказке —
смысла нет?
Нунни...
Во мгле тысячелетий
поверье это родилось.
Хозяйничала смерть на свете,
людей косила вкривь и вкось.
Умрешь — и станешь горсткой праха.
Ни звука под землей,
ни зги...
Наверное, от большого страха
и от большой-большой тоски
придумал кто-то сказку эту:
в ней утешенье,
в ней намек,
что в этой жизни — смерти нету,

горит, не гаснет огонек!
Нунни...
Семья, конечно, стонет
и слезы льет, поди утешь!
Конечно же, людей хоронят,
но дети —
сгусток их надежд —
отвагой светятся отцовской
и материнской добротой.
В неопытной душе подростка —
душевный опыт вековой.
Все-все,
за что людей любили,
что было лучшего у них, —
не гаснет навсегда в могиле,
а в душах светится родных!

4

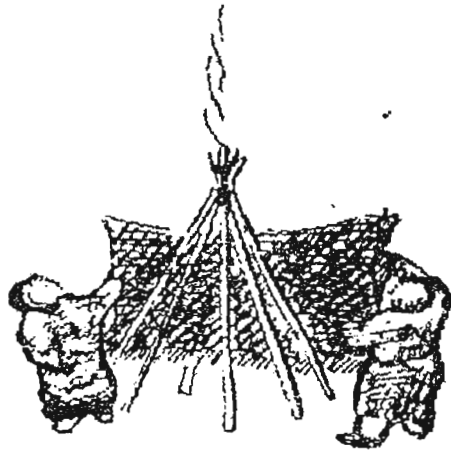
Я спросил у бабушки однажды:
— Бабушка, ты веришь в то, что люди
как бы возвращаются на Землю,
превращаясь в тех, кто после них?
— Верю, — мне старуха отвечала:
— Отчего не верить? Посмотри-ка,
в том, как стало весело на свете,
сколько здесь мечтаний вековых!
— Бабушка, — спросил я улыбаясь, —
у тебя на днях родился внучек,
кто же в нём на Землю возвратился,
словом, кто его нунни?
— Внучек-то? — старуха просветленно
на меня поверх шитья взглянула:
— Целых два нунни имеет внучек,
как и все ребята в наши дни.
— Как же так?
— Да так уже выходит, —
бабушка задумалась о внуке:
— Первое нунни его,
ты знаешь,
это Мэйнгэ — ладный был старик.
А другое —
тот, кого ребята,
все, родившиеся в наше время,

называют дедушкой,—
настолько
всем он близок и для всех велик!..
— Ленин,— я подумал,— это Ленин.
Вот оно — бессмертье нашей жизни:
нас не счесть, его детей и внуков,
и конечно ж,
он для всех нунни —
в каждом живо ленинское слово,
в каждом живо ленинское дело,
начатое дедом — кончат внуки,
сказку былью сделают они!

5

Нунни, нунни...
Хорошее поверье
среди моих сородичей живет.
Большой имеет смысл оно:
потери
не нарушают жизни стройный ход.
Вот ты —
живое воплощение деда,
тебе его надежда — как своя,
как будто до рожденья ты изведал
всю беспросветность дедова житья.
И как лучисто светится отец твой
в твоём — ещё сопливом — малыше:
как бы душа отцовская
в наследство
передана мальчишечьей душе.
От жизни — к жизни,
словно в эстафете,
не сыщешь где начало, где концы.
Но сыновья —
они всегда в ответе
за то, что не доделали отцы.
Они фундамент счастья заложили —
мы,
сыновья их,
стены возведем.
Они во тьме дорогу проложили —
мы к свету
их дорогою придем.

Шумят над миром волны поколений.
Проходят годы и мелькают дни.
У каждого в крови —
великий Ленин.
Бессмертно
наше общее нунни...

ГУЛ НЯВАЛДАННЯ

(поэма-монолог оленьего пастуха)

ПРОЛОГ

И опять в небесах,
 полая высокая огнем,
Надо мной расплескался
 сияния сказочный свет.
Что так душу щемит,
 что волнует и светится в нем?
Может, это посланья
 из древних таинственных лет?
Может, тысячи зим
 они волнами в небе плывут?
Что хотят донести они —
 добрую или страшную весть?
Может, очень спешат,
 но никак до меня не дойдут,
А отсюда, с Земли,
 мне их знаки, увы, не прочесть.
Сколько долгих часов
 я под этим сияньем сидел!
Сколько шел я под ним,
 оставаясь один на один!
И казалось, порой,
 что я слышал небесный мумдэл*,
И предчувствие трепетно
 душу сжимало в груди.
Вкруг оленей дремавших
 глухими ночами шагал,
Я внимал тишине
 и биенью оленьих сердец,

* мумдэл — гул.

И мумдэла небес
я высокую суть постигал.
И мне кажется,
все же постиг наконец!..
Пусть во все времена
говорливым народ мой не слыл,
Пусть болтливою чайкой
меня кто-то может назвать,—
Я обычаи предков
и сдержанность их не забыл,
Но я должен вам
все рассказать!..

НЯВАЛДАНИЯ — СКАЗОЧНОЕ СВЕЧЕНЬЕ

1

Нявалдания *!..
Ты так бесподобна сегодня!
Величественна — до страха!
Ты делаешь все сильнее
Лучи-ремни моих глаз
И темноту из тундры
Выплескиваешь с размаха,
Чтоб не щипала очи,
Как лачидэдол *, что пригас.
Во мраке я ощущаю
Себя, как в чьем-то желудке,
Но ты воссияла на небе —
Все стало другим вокруг!
Спокойны мои олени.
И больше не кажется жуткой
Пурга, что туманной тенью
Из тундры выползла вдруг.
Она ничего не добудет,
Бессильно свернется в сугробы.
И хоркающими введу я
Оленей в завтрашний день...
Пока ты горишь на небе —
Стихий не страшусь я злобы.
Но как бы хотел я рассеять
Других злодеяний тень,—

*Нявалдания — северное сияние.

* лачидэдол — очаг с земляным ограждением в чуме.

Чтобы в мире сердца людские,
Сжимаясь от боли, не бились,
Как бьется порой куропатка,
Попавшая в чей-то силок;
Чтоб в небо сердца взлетали,
Легко и светло трудились,
А страхи оленьим пометом
Остались вдоль наших дорог.

2

Нявалданья!...
О, свеченье в ночи!
Я впервые увидел тебя
Из своей аниба,
Когда был я разбужен в пути
Грустным скрипом полозьев
И храпом оленей седых,
Что бежали устало
По тундре сурово-немой.
Покрывало откинув,
Я так испугался тогда,
Что невольно сглотнул
Свой отчаянно рвавшийся крик —
По кипящему небу,
Покинув привычный очаг,
Мчались, нас настигая,
Холодные, злые огни!..
Да! Однажды случилось —
Летели за нами огни
Волчьей стаей голодной!
Едва спаслись мы тогда...
Но от этих огней,
Я почувствовал — нам не уйти.
За единый прыжок
Нас настигнуть сумеют они.
И от ужаса я,
Чтоб не видеть летящую смерть,
Глубоко с головою
Зарылся в свою аниба.
Я и впрямь чуть не умер,
Почти задохнувшись во тьме!
Только мамино сердце
Почуяло эту беду —
Ее руки отбросили

Полог моей аниба,
На спасительный воздух
Мгновенно рванули меня!
Я очнулся, я ожил...
Но память осталась навек:
С головой укрываться
Я даже в мороз не могу...

3

Нявалданья...
Я подрос,
Помогать начал я пастухам,
Но, как всякий мальчишка,
Впервые оставшись в ночи,
Я боялся всего,
И от страха дрожал и просил:
«Приходи, мой приятель,
И страшную тьму разгони!
Прогони эту ночь,
Что кружит и кружит надо мной,
Будто ворон, который
Вдали олененка узрел,
Что ослаб и отстал
От оленей, идущих вперед.
И он ждет одного:
Прекратятся движенья мои,
И тогда в мое сердце
Он черные когти вонзит!..»
О, в такие мгновенья,
Сжимавшие горло мое,
Сновиденьем казались,
Далеким и сказочным сном —
Белым стерхом летящий,
Сияющий солнечный свет,
Смех и песни,
И детские игры мои!
И в тяжелые эти минуты
Я думал с тоской:
«Вдруг уже никогда
Это небо не тронет рассвет,
Не осветит его,
И под черной густой тишиной
Одинокю лежать
Буду плачущим я бугорком!..»

Нявалданья...
 А когда с треском разгораясь
 Как стебли сухие травы,
 Косяком журавлиным
 Огни твои резали ночь,
 Я видел, я знал —
 Как тебе нелегко
 Расплёскать, одолеть
 Этот вязкий настой темноты.
 Но спешили на помощь
 Все новые птицы-огни,
 Танцевали под звездами,
 Пели волшебную песнь!
 И светлело вдруг небо,
 А следом светлела душа!
 И казалось мне, будто
 Из тундры тянуло теплом.
 И легко мои мысли
 Взлетали к небесным огням,
 Словно вырвавшись разом
 Из цепких холодных силков.
 И от радости той
 Обращался вдруг птицею я,
 Новый день воспевая,
 Который еще впереди.
 Пел я, пел, обнимая,
 Шагами оленей своих,
 Круг чертил я ногами,
 Все стадо оставив внутри —
 Спите, мол, спите, олешки,
 Я верю, за эту черту
 Не посмеет ступить
 Острый коготь врага!
 Пел я, пел, и казалось,
 Что небо хвалило меня
 И мигало мне ярко,
 Опять повторяя слова:
 «В жизни будет не страшно,
 Коль ты не упустишь, сынок,
 Своих главных оленей —
 Родимые песни свои...»

Нявалданья...
 Исчезая внезапно,
 Внезапно являлась ты вновь.
 То во тьме растворялась,
 То разом сжигало ее...
 И однажды решил я,
 Что это не просто игра,
 Что таится в тебе
 Волшебство из старинных легенд.
 Эта мысль, словно муха,
 Кружила, звеня, надо мной.
 Эта мысль не давала покоя
 В мальчишечьих снах,
 Ибо знал по легенде:
 За юношей гордым одним
 Стала вдруг олениха
 Упрямо ходить по пятам.
 Он невесту искал,
 Но не мог во всей тундре найти.
 А она раздражала,
 Устало дыша за спиной.
 И однажды,
 Вложив свою злобу в кулак,
 Он ударил ее
 По трепещущим черным ноздрям!
 И случилось тут чудо!
 Удар его злой не поверг
 Олениху на землю,
 А в девушку вдруг обратил!
 Лучше этой невесты
 На свете не видел никто...
 А порою казалось —
 Волшебник великий сидит
 Где-то там, в вышине,
 И играет небесным огнем.
 Видит каждый мой шаг,
 Наблюдает он зорко за мной,
 Как за давними предками
 Он наблюдал до меня.
 Если он убедится,
 Что сильным и крепким расту,
 То откроет секреты

Охоты и выпаса стад.
А увидит во мне
Человека с великой судьбой,—
Сокровенные мысли
Поведает тайно в ночи.
Только больше всего
Я хочу получить один дар:
Чтоб желанья мои
На земле воплощались в дела!
Я всем людям тогда
Подарил бы такие сердца,
Чтоб без устали бились,
Не зная болезней и ран.
Подарил бы им силу
И пламя души подарил,
И великую радость,
И вечное взглядов тепло.
А еще я бы сделал,
Чтоб вновь юкагиров моцх
На Земле много стало,
Как в давнюю ту старину.
И чтоб юноша каждый
Сумел в этой тундре найти
По душе себе девушку
И завести свой очаг.
Я бы сделал послушными
Воле пастушьей
Стада.
И матерых волков
Пастухам бы в помощники дал,
Чтоб оленей отбившихся
Вместе сгоняли они,
Чтоб в пургу и мороз
За людей охраняли стада.
А потом я бы сделал,
Чтоб смерть уносила с Земли
Только худших людей
И бессильна была пред добром.
Чтоб достойные люди,
В глубокую старость войдя,
Вновь детьми становились
И жизнь проживали опять.
О, мечты!
О, далекого детства мечты!

Я в тумане легенд,
Оседлав вас,
Куда только не скакал?!
Если б эти мечтанья
Все вместе однажды собрать,
Цепью гор поднебесных
Они встали бы в тундре моей!

6

О, ночное свеченье,
будильшее детства мечты,
И чего тебе только
я в долгие ночи не спел?!
Много тайн и рассказов
узнало, услышало ты,
И от них я и сам
рос душою, умнел и вырослел.
О, как много еще
Мне хотелось поведать любя!
О, как много еще
я хотел для тебя сочинить!..
Но однажды я вдруг
по другому взглянул на тебя,
И восторга мальчишьяго
лопнула звонкая нить...
И пронзили мне сердце
туманы обид и тоски,
И увидел я с болью
в холодном сияньи небес,
Как вздымаются волны —
безжалостны и высоки,—
И заломленных рук
накрывают испуганный лес.
И услышал я будто оттуда
рыданья девчат,
Хрипы старческих ртов
и отчаянный плач малышей!..
Будто все поглощая в себе
волны дикие мчат
И безжалостным эхом
в моей отдаются душе...
Гнев меня наполнял
и стегаемый им
шел вперед,

Хотите предсказать
Как ящерица * вы,
Что будет кровь еще
Струиться по ножам
И мертвым станет жаль
Сегодняшних живых!
Алайиип лачипэ...
Как жаль, что слух мой груб,
Что не узреть всего
Простым моим глазам
Но так похожи вы
На нервный трепет губ,
Которые спешат
Мне что-то рассказать.
Алайиип лачипэ...
Алайские огни...
Быть может, рассказать
Хотите людям вы
Все то, что не смогли
Алайцы им сказать,
Все то, что на Земле
Может помочь живым?!

2

Алайиип лачипэ...
Алайские огни...
Как многолика Жизнь,
Как долог путь ее!
А сколько же всего
Явилось и ушло
Народов и племен
За этот трудный путь!
О, если бы звездой
Отмечен каждый был,
То мириады звезд
Зажглись бы надо мной!
Но все увидеть враз
Никак я не смогу,—
Ослепло много звезд
На тропах бытия.
И больше никогда

* По поверьям юкагиров, появление слюноподобной слизи при отрезании головы ящерицы означает большое несчастье.

Тем звездам не сиять,
И гордо не звучать
Названьям тех племен.
Но как всего одна
На ветке тальника
Шерстинка
Сможет сказать нам
О стаде оленей
Прошедших,—
Там и тут;
По слову одному
Вдруг открываем мы
Неведому жизнь,
Неведомый народ —
Старинных из людей.
И вот однажды я
От деда услышал:
«Алайип лачипэ...»
И об алайцах он
Поведал грустный сказ,
О племени людей,
Загадочных, как ты,
О, Нявалданья!..

3

Алайии... Алайии...
На тундровых гольцах
И в наши дни порой
Вдруг натыкался я
На древний их погост.
Встречал и людей,
Уверовавших в то,
Что были в предках их
Алайцы...
Быть может, это так,
Но значит не смогли
Потомки сохранить
Все лучшее от них.
Ведь жили люди те —
Как песня, как огонь,
Что издали манил
Продрогшие сердца.
У добрых их костров
Пришедший находил

Все то, что он искал —
Заботу,
Нежность,
Кров...
Все, у кого была
Обрубленной судьба,
Кто сиротой бродил
Меж разных очагов, —
Все находили здесь
Себе вторую мать,
Из теней обратясь
В лихих богатырей.
И племя их росло,
И множились стада.
И стаи лебедей,
Над стойбищем летя,
Желтели в один миг
От множества дымов.
И тяжким из грехов
Считалось среди них
Обиду нанести
Подобному себе.
«Ни словом,
Ни рукой,
Ни взглядом —
Ни-ког-да
Не причиняйте боль! Другим!» —
Учили всех они.
Наверно, потому
Алайцев племя везде
«Людей не обижающими»
Звали...

4

Алайиип лачипэ...
Алайские огни...
Великий был народ!
Могучий был народ...
И за какой бы труд
Не брался дружно он, —
Работал всякий раз
До сытости в сердцах.
Но крепость мощных мышц
И ловкость быстрых ног
Показывали все

Лишь в играх и труде.
Ни в танцах,
Ни в борьбе,
Ни в пенье,
Ни в бегах
Найти достойных их
Нигде никто не мог.
Лишь сами меж собой
Решить они могли,—
Кто главный богатырь,
Кто лучший из певцов.
И были песни их
Из самых жарких слов,—
Тоскующим сердцам
Они дарили свет;
Слабеющим сердцам
Дарили сильный дух;
Стареющим сердцам
Дарили юный пыл.
Их танец заставлял
Взлетать под небеса.
Казалось, будто он
Вдруг соскребал с души
Печали и тоску,
Наросшие зимой.
И танцевался он
В день возвращенья птиц,
В день разрушенья льда
На каждом из озер.
Но самым ярким был
Он в тот особый день —
В день сбора всех родов
У одного костра.
Плетя живой узор,
Плескаясь как огонь,
Благословлял он всех,
Кто воздухом дышал.
Он танцем был любви
К земле своих отцов.
И среди всех людей,
Как луны среди звезд,
Сияли красотой
Девушки алайцев.
Прекраснее невест

Не видывал никто.
И после шумных игр
На новых аргишах
Счастливики везли
Их
В стойбища свои,
Чтоб свой лачидэдол
Зажечь они смогли
И к дружным племенам
Сумели привести
Они детей своих,
Красивых, как они.
Красавиц выдавая
В другие племена,
Алайцы завели
Огромную родню.
Но где была родня,
Но были где друзья,
Когда в недобрый час
Алайцам помощь их
Понадобилась?!

5

Алайнип лачипэ...
Алайские огни...
Таким бы людям жить
Подольше на Земле.
Вверх поднимая тех,
Чей дух совсем повис,
Излечивая тех,
Кто сжался от обид.
Но губит жизнь часто
Свой самый лучший всход.
И лучших сыновей
Лишается Земля.
Так было и в этот раз.
Остались в тундре те,
Чья мысль, как линный гусь.
Под солнце не летит.
О, черти, узнав что жизнь
Привязана за них,
Они поспешно зло
В упряжке запрягли.
И завелись окрест

Обиды и обман.
Не стали удивлять
Убийства и грабеж.
И от плохих людей
Рождались сыновья,
Превосходя отцов
В недобрых их делах.
Куда бы привели
Такие люди жизнь?..
Но над землей Октябрь
Грозою прогремел —
Очистил он ее,
Унес из тундры зло,
Прогнал ползучий страх
И свет несчастным дал.
Все, что могло расти,
Над тьмою поднялось,
Все, что могло цвести,
Под солнцем расцвело.
О, если был бы жив
Алаец хоть один,
Как счастлив был бы он,
Увидев этот мир!
Ведь самой светлой песней,
Как говорит легенда,
У тех алайцев было —
Поддержка друг друга
И вера друг в друга...

6

О, алайцы!..
Потемнением ума
И болезнью считали они,
Если мог человека
Ударить другой человек.
А когда к ним, для схватки,
Являлись соседи, враги —
Шли алайцы навстречу
И копья вонзали у ног.
Означало все это,
Что биться они не хотят,
Не желают, чтобы кровь
Обагрила оружие их,

Чтоб великое солнце
Увидев вражду меж родов,
Отвернулось от всех
И упрятало землю во мглу *.
И завидя все это,
На миг застывали враги.
А потом и они
Наконецники прятали в мох.
Словом мудрым и добрым
Алайцы гасили огонь.
И про злобу забыв,
Уходили пришельцы назад...
Не знаю, прав ли я,
Но все-таки мне кажется,
Не следовало бы копья всегда
Доверчиво в землю втыкать.
Ведь люди разные есть
И много среди них коварных.
И кажется мне,
Что доброта и доверчивость
Сгубили это племя,
Ведь как твердит легенда.
Остатки тех алайцев
Ушли под океан,
Утонули,
От грозных отступая
Неприятелей...

7

О, Великое племя!
О, несчастное племя добра!
Уходя от врагов
По разбитому, тонкому льду,
Попытались спастись они тем,
Что решили поджечь
Свои нарты и вещи —
Дорогу огнем заслонить.
Но когда разгорелся
За ними Великий Огонь,
Лед совсем истончился
И вовсе держать перестал.
И никто из алайцев

* Так гласит одно из поверий юкагиров.

Не смог поползти до земли,
И холодное дно
Стало ложем последним для них.
Но три дня и три ночи
Великий Огонь полыхал.
Он без дыма и треска
Под самые звезды всходил.
И три дня и три ночи
В смертельной тиши повисал
Скорбный Плач,
Исходящий из черных пучин.
Так закончилась жизнь,
Вдохновенная светлая жизнь,
Что в Великую Песню
Входила как слово одно,
Слово нежно-щемящее...
И впервые тогда донесся
Ущелья голодного рев
До племен юкагиров.
И звали его —
Чумдуул-вымирание...
О, великое племя...
О, если бы люди твои
Вдруг сумели дожить
До сегодняшних дней,
Их было бы не меньше,
Чем в тундре зеркальных озер,
И своим даром божьим
Блистал бы каждый из них.
И такие б сумели
Они сотворить чудеса,
От которых по коже
Метался бы колкий мороз.
И огромная Родина
Громкие их имена
Называла бы с гордостью всем...
И рядом с ними и мы
Становились бы выше, сильнее
И не прятали бы лицо
От самых холодных ветров.

8

Алайи, алайи...
Им недолгий срок

Был отмерен на этой Земле,
Но в душе никогда
Не несли они черного зла.
И поэтому, может быть,
Их Великий Огонь,
Что над смертной пучиной горел,
Улетел в небеса,
Чтоб видеть оттуда людей,
Как гласит легенда,
Оттуда упреждают опасность и зло,
Перед страшной бурей
Призывая нас сжаться в кулак.
На своем он языке,
На небесном своем языке
Просит будто Он, чтобы в мире
Мы жили всегда и везде,
Чтоб, родившая нас
Земля единственная наша,
Не рыдала ночами
От болей,
Наносимых нами...

9

Алайинп лачипэ...
Алайские огни...
Не к отомщению, нет,
Ваш свет зовет меня.
Зовете вы к добру,
Зовете к миру вы
И, разметая ночь,
Сминаете тоску.
О! Когда вы горите,
То радость и покой
Начинает гнездиться
На лицах у людей...
Алайинп лачипэ...
Алайские огни...
Вы учите меня
Искать вину в себе,
А не винить врагов.
Вы учите меня
С достоинством идти,
Не прыгая песцом
На каждый из кустов

Чтоб вернуться побыстрее

в тундру эту белую

И с восторгом трепетным

на тебя взглянуть.

3

Нявалданья!

О как ты горишь сегодня

Таким непомерным блеском,

Как глухонемой, с мученьем

Пытаясь что-то сказать.

Тревожно лежат олени,

Рога их взметнулись лесом,

И вглядываются сторожко

В глубокую ночь глаза.

Неужто предсмертные крики

Опять в этот час раздались

Где-то в далеких землях

И донеслись до меня?

Неужто в далеких краях,

Поправ доброту и жалость,

Людей освещает пламя

Совсем другого огня?

О люди, прошу, скажите,

Чего же не хватает

На стойбищах ваших предков,

На вашей родной земле?

Куда вы с огнем идете,

Ведь каждый разумный знает:

Свое не построишь счастье

На чьей-то чужой золе!

Пожарища, войны, слезы...

Неужто так вечно будет?

Неужто не сможет разум

Когда-нибудь победить?!

Ответь мне, мумдэл небесный,

Когда мы сумеем в мире

На этой планете жить?

4

Нявалданья!

О, если б все следы

Мои соединить,

Следы, что протянул
Вокруг оленьих стад,
Я думаю, что их
Хватило бы на то,
Чтобы вокруг Земли
Легла моя тропа.
И, может, потому
Все чаще и острее
В полночной тишине
Ко мне приходит мысль,
Что не оленей я
Средь тундры стерегу,
А Землю стерегу,
Храню ее от бед.
И в каждый миг такой
Вся боль большой Земли
Пронзает грудь мою
И сердце леденит.
И в мыслях уношусь
Из тундры туда,
Где слышен стон и плач,
Где виден черный дым.
Как же можно все это терпеть?!
Как же можно постоянно молчать?!

5

Нявалданья!
Племена юкагиров
В кочевниках были всегда:
Мы со старого озера
К новому озеру шли.
Но не ведали мы,
Что, подобно озерам другим,
Есть на свете другая —
Более светлая, новая жизнь.
Нам принес это знанье
Великого Ленина свет.
И мы в новое стойбище
С новой надеждой пошли.
Мы хотели иметь
Все, что есть у народов других,
Но получим ли это,
Ведь жизнь стала хрупкой совсем?!
Я об этом подумал,

Побывав в озере своего детства.
Очень и очень широкими
Стали его берега.
Время их подточило,
Изъело студеной водой.
Там увидел я,
Как тропы жалко повисли,
Словно шеи гусей без голов.
А еще я увидел на льду
Одряхлевшего орлана.
Он сидел напротив утеса
Где когда-то детей своих растил.
Нынче не было того утеса,
Утонул тот утес, рухнул в воду.
И застыл сиротливо орлан,
Оказавшись внезапно
Без родины и без гнезда.
О, как горько смотреть
Было мне на несчастную птицу
На холодном льду,
Но не мог я помочь
Ни словами, ни делом ему.
А когда я на завтра
На озеро снова пришел,
Он лежал уже мертвым,
Разметавши по льду поседевшие крылья...
И с того самого дня
В моем сердце стала гнездиться
Тоска,
И виденье одно
Повторяться стало в мучительных снах:
Будто из пылающей бездны,
Неся неизбежную смерть,
Вылетала огромная пуля
И метила в сердце мое.
И в моей голове
Завелась леденящая мысль
О зловещих нейтронах,
Что взяли на службу умы.
Неужели мы жизнь
К самой узкой тропинке сведем?
Неужели не сможем
Мы ущелье войны обойти?
Кто же, люди, за нас

Мирным сделает завтрашний день?&
Кто подарит нам веру
И наши исполнит мечты?!
Не случилось бы так,
Чтоб от жизни, кипящей вокруг,
Вдруг остались лишь в небе
Отсветы алайских огней!
Если все мы исчезнем,
То стойбище наше — Земля, —
От великой тоски,
Как орлан тот,
Погибший на льду,
Тоже очи закроет навек...
Неужто сегодня мы все
Укрепить не сумеем
Непрочное наше гнездо?!
А ведь предки далекие
Нам завещали его
Пуще глаза беречь
И холить...

6

Нявалданья!
С тобой мы навек сроднились.
Когда тебя в небе нету,
Я чувствую, что не хватает
Чего-то во мне самом.
И ты, без меня освещаая
Пустынную тундру эту,
Я знаю, в ночи вздыхаешь
О Человеке живом.
Шагая вокруг оленей,
Каждым своим движеньем
Тебе из снегов говорю я,
Что мир на Земле — живой.
И ты, с высоты сияя,
Играя в снегах отраженьем,
Подмигиваешь, словно просишь:
«Побудь, человек, со мной!..»
Конечно, не буду я вечным,
Пожухну я стеблем тонким,
И будешь другим ты людям
Сиянье свое дарить.

Но знай, что возвращусь я
Сюда же в тундру ребенком,
Чтоб снова с тобою вместе
Еще одну жизнь прожить.

ЭПИЛОГ

О, Нявалданья!..

Снова гул твой высокий плывет.

Снова шепчешь, горя,

на древнейшем своем языке:

— Соберись воедино

человеческий род

И сомкнись,

будто пальцы

в зажатой руке!

Человеческий род,

разыгаться пурге не позволяй

И снегами забвенья

планету не дай замести!

Человек!

Изживи злодеянья и боль!

Пусть лишь солнце и радость

грядут впереди!

СОДЕРЖАНИЕ

Милая Лабунмэдэну. Перевод И. Фонякова	3
*** «Вы знаете тот край...». Перевод Г. Чижга.	4
Юколэл Улуро. Перевод Г. Плисецкого	—
*** «Видишь: мертвые остовы...». Перевод Г. Плисецкого	6
*** «Где музыка...». Перевод И. Фонякова.	7
Родной язык. Перевод И. Фонякова	9
У озера Адипэн Муоха. Перевод И. Фонякова	10
*** «Небольшое озеро...» Перевод И. Фонякова	11
*** «Весь день вчера...». Перевод Г. Плисецкого	12
Озеро. Перевод Г. Плисецкого	13
*** «Прощайтесь, с тундрой...». Перевод И. Фонякова	—
*** «Не думай, что срывает листья...». Перевод И. Фонякова	14
*** «Сопка спит...» Перевод Г. Плисецкого.	—
*** «Издаലെка мне сопка...». Перевод Г. Плисецкого	15
*** «Среди извечных сопок...». Перевод А. Преловского	—
Память. Перевод Г. Чижга	16
Нелемное. Перевод И. Фонякова	17
Лицо матери. Перевод Н. С. Слепаковой	18
Тиэки Одулэку. Перевод А. Пчелкина.	—
Пусть будет так. Перевод И. Фонякова	19
Снега милое скрипенье. Перевод И. Фонякова	20
*** «И опять...». Перевод Г. Чижга	—
Песня пастуха. Перевод И. Фонякова	21
*** «Мои резвые олени...». Перевод Г. Чижга	—
Мой тордох. Перевод И. Фаликова	22
Нявайнадану. Перевод И. Фаликова	23
Гагары кричат. Перевод И. Фаликова	24
*** «Эх вы, чайки...». Перевод А. Преловского.	—
«Сам, выходит, не знал я...». Перевод И. Фонякова	25
** «Трескается кожа тальника...» Перевод И. Фонякова.	26
Утро. Перевод И. Фонякова.	27
Песенка. Перевод Г. Чижга.	—
*** «Самое главное, чем дорожу...». Перевод А. Преловского.	28
Маме. Перевод И. Фонякова.	—
*** «Как в собственную душу...». Перевод Г. Плисецкого.	29
Причитания юкагирки Перевод А. Преловского.	30
*** «Твои руки, подобно...». Перевод Г. Плисецкого.	—
Чив-ви. Перевод М. Вишнякова.	—
*** «Когда рассвета белые орлы...». Перевод И. Фаликова.	31
Мечта. Перевод А. Преловского.	—
Нунни (поэма). Перевод Г. Семенова.	33
Гул Нявалдания (поэма). Перевод В. Федорова.	39